

ЛУКРЕЦИЯ БОРДЖИА

❁ ИСПОВЕДЬ ❁
«СВЯТОЙ ГРЕШНИЦЫ»

ЛЮБОВНЫЙ ДНЕВНИК ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ



Любовные мемуары. Исповедь прекраснейших женщин

Луcreция Борджиа

**Исповедь «святой грешницы».
Любовный дневник
эпохи Возрождения**

«Яуза»

УДК 821.131.1-94
ББК 84(4Ита)-44

Борджиа Л.

Исповедь «святой грешницы». Любовный дневник эпохи Возрождения / Л. Борджиа — «Яуза», — (Любовные мемуары. Исповедь прекраснейших женщин)

ISBN 978-5-9955-0850-2

ВПЕРВЫЕ на русском языке! Поразительная исповедь прекраснейшей, самой страстной и «роковой» женщины Ренессанса. Признание в любви от легендарной Лукреции Борджиа, которую в юности считали величайшей грешницей Эпохи Возрождения, а в третьем замужестве – почти святой. В 1505 году Ватикан потребовал от Лукреции не только письменно покаяться в собственных грехах, но и дать показания против отца и брата. К тому времени папа Александр Борджиа был уже в могиле, а Чезаре Борджиа томился в испанском плену. И новый папа приказал Лукреции публично обличить родных, подтвердить все грязные слухи, ходившие о «чудовищах Борджиа», признать обвинения в разврате, кровосмешении, мздоимстве, симонии и бесчисленных убийствах, которые приписывали ее семье. Согласилась ли Лукреция отречься от близких и предать любовь всей своей жизни? Покаялась ли в грехах? Что поведала о самых сокровенных любовных тайнах Ренессанса? Читайте эту удивительно искреннюю и чувственную книгу – исповедь «СВЯТОЙ ГРЕШНИЦЫ» Эпохи Возрождения, недавно обнаруженную в секретных архивах Ватикана и впервые переведенную на русский язык! В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.131.1-94
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-9955-0850-2

© Борджиа Л.

© Яуза

Содержание

Предисловие	7
Предисловие переводчика	12
Septem Mortalibus Peccatis (семь смертных грехов)	13
Глава первая. Gluttony (Чревоугодие)	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Луcreция Борджиа
Исповедь «святой грешницы»:
Любовный дневник эпохи Возрождения

© ООО «Яуза-пресс», 2016

Предисловие

У Ватикана, как у любой властной структуры, существующей достаточно долго, немало тайн.

Со временем часть из них становится неактуальной и доступ к материалам получают исследователи, а затем и широкая публика.

Несомненно, есть тайны, которые никогда не будут раскрыты, поскольку могут угрожать самому существованию Церкви. Но есть такие, что подтверждают уже известные сведения и нанести большого ущерба престижу Ватикана не могут, зато их публикация продемонстрирует открытость и непредвзятость.

«Покаяние» Лукреции Борджиа из таких.

Текст производит несколько странное впечатление, это исповедь, но почему-то написанная в форме вольного пересказа, а не озвученная. Только после внимательного изучения текста и сопутствующей ему переписки между Лукрецией Борджиа, дочерью наиболее одиозного из пап **Александра VI (Родриго Борджиа)**, и **папой Юлием II**, а затем кем-то из кардиналов Ватикана (письма сохранились не полностью и некоторые страницы не читаемы), а также анализа происходивших в то время событий становится ясна подоплека «Покаяния».

Лукреция Борджиа – дочь папы Александра VI (Родриго Борджиа) – ко времени написания «Покаяния» была замужем за наследником, ставшим герцогом Феррары Альфонсо д'Эсте. Это ее третий брак, единственный продлившийся долго.

У Родриго Борджиа, как и у многих других кардиналов и пап, имелись незаконнорожденные дети от разных женщин, но более всего он любил **Лукрецию, Джованни (Хуана), Чезаре и Джоффри**, рожденных Ваноччи деи Каттанеи. Чезаре и Лукреция Борджиа оставили яркий след в истории. Во всех грехах и преступлениях, совершаемых Родриго Борджиа, обвиняли и Чезаре, а свидетельницей и участницей нередко была Лукреция. Именно потому ее откровения могли стать историческим документом, если бы не были столь пристрастны и необъективны.

Что же заставило уже респектабельную даму, герцогиню Феррары Лукрецию взяться за перо, да еще и с целью покаяния? В набожную и благодетельную любимицу феррарцев она превратилась позже, а поверять бумаге откровения всегда опасно, к тому же исповедоваться можно своему духовнику.

После смерти папы Александра VI в 1503 году совсем ненадолго преемником в Ватикане стал **Пий III**. Ни для кого не секрет, что на папский престол его привела воля **Чезаре Борджиа**. Но благодарности Чезаре не дождался: едва пройдя посвящение, новый папа отдал приказ об аресте своего благодетеля. И тут же поплатился – это было очень короткое правление, всего через двадцать семь дней конклав оказался вынужден выбирать нового папу, поскольку Пий III скончался. Ходили слухи о его отравлении, обвиняли, как обычно, Чезаре Борджиа, но доказательств не было, открыто высказать обвинения никто не рискнул.

1 ноября 1503 года на Святой престол под именем **Юлия II** взошел самый ярый противник Борджиа **Джулиано делла Ровере**. Племянник неистового Сикста IV многим казался воплощением добродетели, особенно после одиннадцати лет папства Родриго Борджиа.

К власти в Ватикане пришел человек, горевший ненавистью не только к умершему Родриго, но и к его детям, прежде всего Чезаре. Это тем более странно, что ходили слухи об отцовстве Джулиано делла Ровере по отношению к Чезаре, ведь Ваноччи де Каттанеи долго была любовницей делла Ровере, прежде чем стать любовницей Борджиа.

Почему же Чезаре Борджиа, обладавший тогда немалой властью и влиянием на одних кардиналов, богатством, достаточным для подкупа других, умевший настоять на своем, не противился такому выбору конклава?

Секрет раскрыли записи придворного церемониймейстера Ватикана Иоганна Бурхарда:

«Сегодня в Латеранском дворце состоялась тайная встреча кардинала ди Сан-Пьетро (Джулиано делла Ровере. – *Здесь и далее прим. пер.*) с герцогом Валентинуа (Чезаре Борджиа) и испанскими кардиналами. По заключенному между ними соглашению герцог обеспечит кардиналу ди Сан-Пьетро победу на предстоящих выборах папы. В благодарность за это кардинал дал обещание, заняв Святой престол, утвердить власть герцога над Романьей и сохранить за ним звание и пост главнокомандующего войсками церкви».

Что это, как ни симония – подкуп ради получения сана? Тем удивительней, что Юлий II вошел в историю папства как образец честности и прямоты. Одним из главных грехов, в которых тогда еще кардинал делла Ровере много лет обвинял папу Александра VI, была именно симония.

Чезаре Борджиа ошибся, полагая, что сможет влиять на папу Юлия II, это его отец за три года до своей смерти сумел вынудить кардинала служить себе, для Чезаре приход на Святой престол старого врага семьи стал роковым.

Сначала Юлий II даже выполнил часть данных на тайной встрече обещаний, но довольно скоро предал того, без чьей помощи получить тиару ни за что не смог бы.

К 1504 году Чезаре был арестован. Он оказался предан всеми, кто мог оказать ему хоть какую-то поддержку, всеми, кроме Лукреции. Сестра пленника забрасывала письмами окружение папы и его самого, умоляя облегчить участь Чезаре.

Вероятно, именно в это время ей и была предложена своеобразная сделка – откровенный рассказ о преступлениях, совершенных отцом и братом, в обмен на свободу Чезаре. Чтобы это не выглядело доносом, рассказ следовало облечь в форму исповеди.

Лукреция с детства жила в мире, где ни единому слову нельзя верить, ни на одно обещание рассчитывать, ни на кого надеяться. Как могла она, знавшая о стольких грязных делах и грехах Ватикана и самого Юлия II, принять предложение? Что ей посулили взамен, если не свободу Чезаре?

Для Лукреции важнейшим было освобождение брата, женщина согласилась написать пространную исповедь.

Насколько рассказ откровенен и правдив?

Лукреция не столь проста, а потому создается впечатление, что она опровергала ходившие о ее семье слухи или сплетни.

В качестве основы для своего странного повествования Лукреция выбрала перечень семи смертных грехов и преступлений против Святого Духа, причем начала с самого «безобидного» – чревоугодия, явно надеясь, что такой способ раскаянья не понравится папе Юлию и последует отказ. Но этого не произошло.

Список семи смертных грехов, на который опиралась Лукреция Борджиа, выглядел следующим образом:

- гордыня;
- зависть;
- гнев;
- уныние (духовная и физическая лень);
- алчность и скупость;
- сладострастие, распутство;
- чревоугодие.

Постепенно Лукреция стала относиться к тому, что писала, серьезней, и если в определении чревоугодия как смертного греха она сомневалась, то зависть и гордыню осудила строго.

Слегка язвительно написаны первые две главы – о чревоугодии и сладострастии. Перейдя к рассказу об алчности, Лукреция вдруг обнаружила талант хозяйственника, недаром отец назначал ее губернатором Сполето. Справлялась с губернаторством дочь Родриго Борджиа прекрасно.

А ее рассуждения о гордыне Чезаре Борджиа свидетельствуют о зрелом уме и опыте. Не у нее ли брал некоторые свои мысли Николо Макиавелли для «Государя»? Николо Макиавелли был дружен с Чезаре Борджиа в последние годы жизни брата Лукреции, вероятно, Макиавелли и Чезаре черпали мудрость из одного источника, и не исключено, что этот источник – прекрасная златовласка, дочь Родриго Борджиа.

Современники отказывали этой женщине в наличии совести, стыда, чего угодно, только не ума! В блестящем уме Лукреции не усомнился никто даже из числа самых жестких критиков и ненавистников. Впрочем, как и в отношении ума ее брата Чезаре Борджиа, и их отца Родриго Борджиа.

Вероятно, первое письмо, посвященное чревоугодии, и сам тон покаяния Лукреции Борджиа не понравились папе Юлию, поскольку следующие ее письма адресованы не прямо Святому отцу, а кому-то из кардиналов из близкого окружения папы.

Лукреции не удалось перехитрить папу Юлия, Джулиано делла Ровере слишком много лет провел рядом с Борджиа и хорошо знал всех членов этой семьи. Он явно потребовал более откровенных сведений, серьезных тем и настоящего осуждения. Кроме того, обращаясь не к папе Юлию, а к одному из его кардиналов, Лукреция лишалась возможности прямых намеков на давнюю осведомленность Святого отца или его участие в происходившем.

Второе письмо написано, вероятно, кардиналу Асканио Сфорца, только что вернувшемуся в Рим после заточения в Париже. Асканио Сфорца был родственником первого мужа Лукреции и, хотя несколько лет был правой рукой папы Александра, не мог простить ему оскорбления при разводе своего племянника Джованни Сфорца и Лукреции Борджиа. Кроме того, он просто предал папу, оказавшись в стане врага, когда французы оккупировали Рим. Едва ли кандидатура такого исповедника могла удовлетворить Лукрецию, но выбора у нее не имелось.

В данном случае судьба пошла Лукреции навстречу – в начале 1505 года кардинал Асканио Сфорца умер. Кто стал следующим адресатом, непонятно, письма Лукреции не содержат обращения по имени, но это был кто-то, кто хорошо знал тайны Ватикана и семьи Борджиа, кому Лукреция не могла лгать, не рискуя быть разоблаченной. Ей не оставалось ничего, кроме как писать откровенно и чтобы не навредить брату и самой себе, больше места уделять разъяснению причин, побудивших поступать так, а не иначе, опровержению слухов и заверениям в благих намерениях, которыми, как известно, вымощена дорога в ад.

Два года спустя Чезаре удалось сбежать, он серьезно пострадал, спускаясь по веревке со стены крепости, где сидел пленником, но быстро вернулся в строй.

Свидетели описывают обстановку тех дней так:

«Освобождение Чезаре обрушилось на папу, как гром с ясного неба. Герцог был единственным человеком, способным даже в одиночку взбудоражить и поднять всю Италию. Само упоминание его имени разом нарушило спокойствие в церковном государстве и сопредельных странах, так как он пользовался горячей любовью множества людей – не только воинов, но и простонародья. Еще ни один тиран, кроме Юлия Цезаря, не имел подобной популярности,

и папа решил употребить все меры, дабы не допустить возвращения герцога на итальянскую землю».

Вероятно, в числе «всех мер» оказалось и требование к Лукреции поскорей закончить исповедь и как можно больше внимания в ней уделить разоблачению брата. Но Лукреция уже поняла задумку Ватикана, к тому же Чезаре был на свободе. Прекратить писать означало навлечь неприятности на собственную семью и Феррару, а потому хитрая женщина откровения продолжила, но больше внимания уделила грехам Ватикана, чем собственным и своего брата.

Реакция папы неизвестна, но в 1507 году Чезаре, будучи в очередной раз преданным, погиб в бою. Это развязало папе Юлию II руки, в исповеди Лукреции больше не было необходимости, однако теперь эти откровения представляли опасность. Потому все написанное затребовано в Ватикан и спрятано подальше.

Едва ли папа Юлий II мог сознательно оставить такой документ в архиве, но приказы выполняют (или не выполняют) секретари, пряча полезные бумаги подальше от глаз своих хозяев. Вероятно, так осталась не уничтоженной рукопись Лукреции Борджиа, чтобы через столетия оказаться прочитанной совсем другими людьми. Есть версия, что «Покаяние» сохранено благодаря стараниям Николо Макиавелли, служившего Чезаре Борджиа и написавшего своего «Государя» именно с него.

Вероятно, сам того не ведая, к сохранению писем оказался причастен... Наполеон Бонапарт.

В 1808 году, когда армия Наполеона заняла Северную Италию и он был близок к захвату большей части Европы, император (и король Италии, каким он сам себя назвал в 1804 году) потребовал от папы Пия VIII передачи ему всех папских владений. В ответ папа Пий отлучил самозваного короля Италии от Церкви, тогда Наполеон приказал арестовать папу. Следом во Францию отправили и секретный архив Ватикана.

После Ватерлоо и второго отречения Наполеона в 1815 году папа Пий был освобожден из-под ареста, но вернуть весь архив в Ватикан не удалось, это требовало слишком больших средств. Чтобы не везти все, часть бумаг была уничтожена, а часть продана за гроши, например, лавочникам или парижанам для растопки. Какие бумаги и какой ценности не вернулись в Ватикан, не знает никто. Некоторые материалы до сих пор всплывают в частных коллекциях, обычно это переписка известных лиц с папами или теми, кто близко стоял к престолу Святого Петра. Если удастся, Ватикан выкупает появившиеся в продаже ценные бумаги, иногда документы той или иной эпохи снова скрываются в секретном архиве, иногда бывают опубликованы.

Рукопись Лукреции Борджиа больше не опасна ни тем, кто в ней упомянут, ни Ватикану, потому она увидела свет.

Текст адаптирован для современного читателя и заметно сокращен, изначально в нем много упоминаний малознакомых лиц и событий, которые были важны для самой Лукреции Борджиа, но не столь интересны сейчас и мало добавляют самой картине мира, существовавшего вокруг папского престола того времени.

Не всему можно верить, но погрузиться в своеобразную эпоху «Покаяния» и посмотреть на события «изнутри» глазами одной из активных участниц заманчиво.

Адаптированы в том числе некоторые названия и обращения, где это невозможно сделать – даны разъяснения. Текст сопровождает справочный материал об упоминаемых людях и событиях, без него неспециалистам по истории Италии и Ватикана было бы трудно разобраться.

Сохранено главное – отношение самой Лукреции Борджиа к происходившим событиям, поступкам окружающих, ее собственным поступкам и мыслям.

О политической подоплеке событий читатели могут узнать и из других источников, но взглянуть на личную жизнь исторических персонажей изнутри получается нечасто. Тем ценней «Покаяние» Лукреции Борджиа.

Предисловие переводчика

Для текста «ПОКАЯНИЯ» потребовался большой сопроводительный материал. Это неудивительно, начало XVI века отстоит от нас на половину тысячелетия, за это время многое потеряло актуальность или просто забыто. Даже перечень смертных грехов, на который опирается Лукреция, в XVII веке был несколько изменен (понятие «уныние» заменено на «леность», что не вполне соответствует изначальному варианту).

Кроме того, Лукреция писала для папы Юлия II, рассчитывая на понимание адресата и потому не объясняя, кого или что имеет в виду. С третьего письма адресат меняется, им становится кто-то из кардиналов, долго отсутствовавших в Риме времен правления папы Александра VI, и с четвертого письма изложение по его требованию становится более подробным и изобилует разъяснениями.

Частое использование в тексте латыни потребовало перевода и отдельных пояснений.

Чтобы не вынуждать читателей постоянно заглядывать в сноски или примечания к главам в конце книги, переводы латинских фраз даны следом за ними в скобках, а необходимые исторические или иные справки по тексту – за каждой главой.

Главы «Покаяния» оказались тесно переплетены с событиями жизни 1504–1507 годов самой Лукреции. Это вынудило дать дополнительные пояснения в конце каждой из глав в преддверии следующей. Произошедшие трагедии – смерть Санчи Арагонской, жены младшего брата Лукреции, Джоффри, свекра Лукреции герцога Эрколе д'Эсте, гибель Чезаре, трагедия братьев д'Эсте – заставили Лукрецию иначе взглянуть на события своей прежней жизни, пересмотреть отношение ко многим вопросам. Возможно, именно «Покаяние» способствовало столь сильному изменению самой Лукреции, ведь герцогиня Феррары была совсем иной, нежели дочь папы Александра Лукреция Борджиа.

Перемены заметны по тексту «Покаяния» – первые главы написаны легкомысленно, что более подходило светской даме, для которой главное – нравиться. Возможно, под влиянием ударов судьбы она начала задумываться, и с каждой следующей главой тон повествования становился серьезней. Последние два коротких письма Лукреция писала уже не по воле папы Юлия, а по велению совести, и перед читателями предстала именно та герцогиня Феррары, о которой до сих пор хранят добрую память – под шелковыми нарядами носившая власяницу и большую часть доходов тратившая на облегчение жизни своих подданных.

Общая историческая справка о семье Борджиа, папстве и Риме конца XV – начала XVI века дана в конце книги. Не знакомым с историей семьи Борджиа и Италии того времени стоит сначала прочитать эту справку, чтобы понимать, о чем идет речь в «Покаянии», поскольку события в тексте излагаются не последовательно, а с учетом греховности, с точки зрения автора.

Страницы исповеди сохранились не полностью, некоторые отсутствуют, на некоторых не читаемы отдельные фразы и даже абзацы. Там, где восстановление было возможно по смыслу, оно выполнено, но некоторые части утрачены безвозвратно. Однако это не снижает ценности оставшихся.

Septem Mortalibus Peccatis (семь смертных грехов)

Ваше Святейшество, едва ли столь скромно владеющая пером грешница, как я, сможет достойно выразить то, что требуется.

Кроме того, *nemo debet esse iudex in propria causa* (никто не должен быть судьей в собственном деле – *лат.*).

Я предпочла бы обычную исповедь, очень долгую и подробную, если бы Вы прислали ко мне в Феррару кардинала, способного ее выслушать. Я готова исповедаться не своему духовнику, а присланному Вами священнику любого ранга.

Но если Вам угодно, я попытаюсь все написать, прошу не считать еще одним моим грехом возможное косноязычие или неточность изложения. *Ego sum a muliere, non a poeta* (я женщина, а не поэт – *лат.*).

Пытаясь найти приемлемую форму для исповеди, я пришла к мысли о возможности исповедоваться в семи смертных грехах, поскольку именно они влекут за собой все остальные.

Гордыней, завистью, гневом и сладострастием мы с Чезаре страдали, а вот унынию, алчности или чревоугодию не были подвержены в той степени, когда грех определяет само существование.

Но многое из приписываемого нашей семье можно отнести к любой другой в Риме даже в большей степени. Разве не сладострастен Рим? Не завистлив? Не алчен? Не скуп? Или не вылавливают в Тибре трупы убитых в гневе, не руководит многими поступками гордыня, не предаются ежедневно римляне чревоугодию?

Я не стану рассказывать о грехах своего отца, он получил отпущение грехов перед смертью, я не вправе ни говорить о них, ни тем более каяться.

Сомнения в праве говорить от имени брата вынуждают меня повторно обратиться к Вашему Святейшеству с просьбой исповедовать его самого. Чезаре едва ли принял бы от меня подобную помощь.

Мне известны многие поступки моего брата Чезаре, но могу ли я верно истолковать их? Все ли знаю о его намерениях и причинах, их побудивших?

Вот пример.

Чезаре обвиняли (и справедливо) в убийстве моего любимого мужа Альфонсо Арагонского. Нет, он сам не убивал, но мой муж сначала был тяжело ранен по приказу моего брата, а потом, когда пошел на поправку, задушен.

Никто не мог понять, почему это произошло. А когда толпа не понимает причин трагедии, она выдумывает ужасы. Убийство, заказанное Чезаре, приписали его ревности ко мне, мол, будучи моим любовником, брат приревновал меня к мужу!

Я тоже не понимала, ведь Альфонсо Арагонский не сделал ничего дурного против Чезаре, пусть они не были дружны (Чезаре считал Альфонса недалеким красавчиком), но и врагами не были! И лишь недавно, когда брат примчался в Феррару спасать меня умирающую, он сознался, что действительно сначала угрожал убить Альфонсо, если тот свяжется с любой из куртизанок Рима. Почему? Потому что знал, что любая может наградить «французской болезнью», спасения от которой нет. Чезаре сам подцепил ее там же и не желал, чтобы Альфонсо заразил болезнью меня.

Альфонсо не послушал и поплатился. По некоторым признакам поняв, что Альфонсо все же заразился от Фьяметты, Чезаре приказал задушить его, прежде чем пострадать я.

Я вслед за толпой обвинила брата и почти возненавидела его, а ведь ему было достаточно просто рассказать правду, я сумела бы удержать мужа от опрометчивого шага и заста-

вила лечиться. Да и сам Альфонсо не стал рисковать, но Чезаре предпочел просто запретить и угрожать, чем объяснить.

Как рассудить о вине в этом случае? Конечно, Чезаре виноват, но он хотел как лучше для меня, в его жестокости им двигала братская любовь ко мне.

Думаю, сам Чезаре дорого заплатил за свои грехи, ведь он смертельно болен, вынужден даже носить маску, чтобы скрыть последствия «французской болезни» на лице, он покинут друзьями, одинок, не может соединиться с семьей, но главное – потерпели крах все его честолюбивые мечты, а мечтал он отнюдь не о Святом престоле, а об объединении всей Италии под властью папы.

Могу ли я судить Чезаре, исповедуясь и от его имени?

Сама с собою не в ладу,
Могу ль другим подать пример,
Как жить в раю, а не в аду,
И не любить своих химер?

И все же, подчиняясь Вашей воле, я принялась писать эту исповедь, решение принято: «Confiteor solum hoc tibi» (Исповедуюсь только тебе. – лат.).

Если Ваше Святейшество не против, я предпочла бы начать с греха чревоугодия, которым страдают очень многие.

Non ut edam vivo, sed ut vivam edo (я ем, чтобы жить, а некоторые живут, чтобы есть – лат.). Я не могу вслед за Сократом повторить эту фразу, хотя редко предавалась чревоугодью, но с него начинаю.

Несомненно, Лукреция не могла исповедоваться от имени брата. Она, выросшая в Ватикане, прекрасно это понимала, понимала и цель заказа папы Юлия. Потому сначала пыталась напомнить о неправомерности своих откровений, потом показать, что может ошибиться, а потом и вовсе свела все к раскаянию в чревоугодии – грехе, которым страдали абсолютно все, кто мог позволить себе вкусно поесть.

Уже из первых абзацев понятно, что Лукреция вовсе не намерена каяться по-настоящему, скорее намерена показать, что семья Борджиа не лучше, но и не хуже других знатных семей Рима.

Примечателен рассказ о причинах убийства ее второго мужа Альфонсо Арагонского.

Это был брак равных – Альфонсо Арагонский был незаконнорожденным сыном неаполитанского короля, а Лукреция – такой же дочерью папы Александра, они ровесники, молоды, красивы и влюблены друг в друга. После неудачного первого брака с Джованни Сфорца, скандального развода и рождения внебрачного сына Лукреция наконец была счастлива. Первая ее беременность из-за неосторожности закончилась выкидышем, во второй она родила крепкого сына, названного в честь ее отца Родриго.

Несмотря на то что Альфонсо пришлось на время даже сбежать из Рима, их брак был счастливым. Явно заказное убийство Альфонсо Арагонского поразило всех как гром с ясного неба. Обвинили, конечно, Чезаре (ведь он уже убил прямо у ног папы Александра отца внебрачного ребенка Лукреции Педро Кальдерона, забрызгав Святой престол кровью).

Лукреция не простила брата, хотя делала вид, что ни о чем не подозревает. Она явно боялась Чезаре, как и многие другие, в том числе папа Александр. Сын вышел из подчинения и оказался уже сильнее самого отца.

Чезаре действительно был серьезно болен той самой «французской болезнью» – привезенным каравеллами Колумба из Америки сифилисом. Эту болезнь сначала не принимали всерьез и даже похвалялись ею, а лечили... ртутью. Выпавшие волосы, изуродованные лица – все это свидетельствовало о мужской силе страдальца.

И только когда смертей и страданий стало слишком много, начали беречься.

Чезаре мог заразиться не только от куртизанок, которых посещал охотно, но и от супруги своего младшего брата Джозеффе Санчи Арагонской, кстати, сестры Альфонсо Арагонского, которая была любовницей и Чезаре, и его второго брата Хуана, и еще много чьей. Любвеобильная Санча тоже умерла молодой от «неизвестной болезни».

Кстати, через полвека от этой же болезни почти одновременно скончаются молодые родители Екатерины Медичи – будущей королевы Франции. Она доводилась правнучкой знаменитому Лоренцо Медичи, прозванному Великолепным и умершему... да-да, все от той же «французской болезни»!

В своих посланиях Лукреция не раз вспомнит своих братьев, утверждая, что Хуан был даже более развудан, чем Чезаре, а Санча и любовница ее отца Джулия Фарнезе куда свободней, чем она сама. Супруга Хуана Мария Энрикес мстила за смерть мужа отнюдь не похристиански, а церемониймейстер папского двора Буркхард исправно распространял сплетни и ложь, за которую следовало бы отрезать язык...

Сумасшедший король Неаполя Ферранте изготавливал из трупов своих врагов мумии и подолгу беседовал с ними в подвалах своего дворца, его внебрачный сын Альфонсо, ставший следующим королем, был настоящим пьяницей... Папа Иннокентий умер от проказы, которой его намеренно наградила любовница... Любимый сын папы Иннокентия Франческо Чиббо слыл первым развратником и насильником в Риме, щедро торгуя индульгенциями даже на убийство, а деньги проигрывая в карты... Франческо делла Ровере, занимавший Святой престол под именем Сикста IV, не гнушался заказными убийствами прямо во время обедни. Его любимый незаконнорожденный сын Пьетро Риарио подхватил у куртизанки Терезы всю ту же болезнь и после двух лет мучений умер... Тереза «наградила» недугом добрую половину знатных мужчин Рима...

А папа Пий II, до того как стать понтификом, писал под именем Энея Сильвио эротические рассказы, по сравнению с которыми «Декамерон» Боккаччо просто детская шалость...

Да, Лукреция Борджиа, осведомленной о грехах и грешках Ватикана и папского окружения, было о чем напомнить понтифику и его кардиналу.

И она напомнит...

Постепенно ее обвинения коснутся даже папы Александра. Но не понтифика обвиняет она, а отца, из-за неумных амбиций которого, слепой родительской любви к одному из сыновей и невнимания к другим оказались сломаны судьбы всех четверых детей, и разразилась настоящая трагедия. Никто из его детей, имевших все, о чем только можно мечтать в то время в Риме, да и в мире, не был счастлив, ничья судьба не сложилась удачно. Рассказывая о событиях жизни своей семьи, Лукреция приходит к неутешительному выводу, что вина в этом лежит на ее отце – папе Александре.

Глава первая. Gluttony (Чревоугодие)

Не знаю, за что этот грех попал в смертные. Так ли он страшен для человека? Неужели любовь к хорошей пище опасней любви к хорошей музыке или поэзии?

Страдала ли я чревоугодием? И да, и нет.

Confessus pro iudicato habetur (сознавшийся считается осужденным – *лат.*).

Сознаюсь, что любила и люблю вкусно поесть и предпочитаю изысканную пищу грубому хлебу, украшенный стол и присутствие музыкантов на пиру убогому грязному столу в придорожной таверне, хорошее вино воде, а искусство опытного повара деяниям простой кухарки. При этом не страдаю от несварения желудка, поскольку не перегружаю его без меры, предпочитая оставлять место «для раздумий».

И я предпочту лечь спать голодной, чем съесть или выпить что попало. Это не капризы, а природная брезгливость. Я могу сидеть на хлебе и воде, если знаю, что хлеб испечен чистыми руками, а вода не набрана в луже на дороге.

Если это преступно – я преступница.

Чезаре также, он никогда не требовал для себя особых условий. Мне кажется, что Чезаре иногда даже не замечал, что именно ест или пьет. Брат одержим другим.

Моя мать Ваноччи Каттанеи умела подбирать поваров и наставлять их должным образом. Ловкий повар может ставить свои вкусы выше вкусов хозяев, он может постепенно приучить хозяев кушать то, что нравится лишь ему самому, либо то, что ему удастся лучше другого.

Я знаю немало римских богатых домов, и не только римских, где именно так и происходит. Но этого никогда не бывало у нашей матери. Ваноччи Каттанеи умела настоять на своем и вынуждала поваров не только придумывать новые блюда, но и угождать ее вкусу, который был весьма взыскателен. В нашем доме я привыкла отдавать должное не только самим блюдам, но и приправам или соусам к ним, а также тому, как еда украшена и подается на стол.

Если это грех, то я грешна – я люблю вкусно покушать, не переедая, люблю, когда еда не смесь продуктов, входящих в нее, а тончайшее сочетание разных вкусов и свойств, когда все, что должно быть горячим, горячо, холодное не тает, а вина изысканны. Но это скорее любовь к прекрасному, ведь прекрасное возможно и за пиршественным столом.

Итак, что любила и люблю теперь я, что любил Чезаре, то есть любовь к какой еде могла перерасти у нас в грех чревоугодия.

Первой едой, которую я попробовала, появившись на свет в Субиако, было материнское молоко. Именно материнское, а не кормилицы. Наша мама не жалела свою пышную грудь, кормя всех детей сама, она говорила, что грудь женщине дана, чтобы снабжать молоком детей, а не для украшения. Ее грудь не пострадала, оставшись все такой же пышной и белой на долгие годы.

Конечно, я этого не помню, но вполне верю рассказам няни и служанок. Они восхищались Ваноччи Каттанеи, говоря, что именно со своим молоком мама передала нам, четверым своим детям – Чезаре, Хуану, мне и Джоффри, свое здоровье. Наверное, так и было, ведь младший наш брат Оттавиано, которого кормила уже не она, много болел и рано умер.

Мама не давала нам крепкого вина, чтобы не вызвать привыкание, но мы никогда не пили воду из Тибра, чтобы не умереть от cholera (*холеры – лат.*).

Также в жаркое время года она не позволяла кушать ничего сырого, предпочитая, чтобы вся пища была либо хорошо прожарена, либо сварена. Конечно, это лишало нас возможности

кушать некоторые фрукты или ягоды, зато уберегло от желудочных болезней, из-за которых в Риме в годы эпидемий умерло немало жителей.

Не все поддерживали уверенность мамы в том, что множество болезней бывает от грязи и плохой воды, большинство наших друзей и соседей считали, что достаточно выпить крепкого вина или съесть много чеснока и лука, чтобы болезнь живота обошла стороной.

Думаю, нашему примеру могли последовать многие жители Рима, лучше питаться хлебом и дешевым вином, если уж нет денег на хорошее, но выжить.

Возможно, я рассуждаю так потому, что мне никогда не приходилось этого делать.

Очень большое влияние и на маму, и на меня оказал наш отчим Карло Канале (удивительно, сколь странно переплетаются судьбы, ведь Канале служил Франческо Гонзага и тесно связан с д'Эсте, к которым сейчас отношусь я). Думаю, Карло в большой мере способствовал нашему правильному воспитанию и физическому развитию. Уж моему – точно.

Это не относится к теме чревоугодия, но я хотела бы рассказать об обстановке, царившей у нас дома на пьяцца Бранкис, куда мы переехали с Пиццо-ди-Мерло. Верно говорят – *omnes in hominem a pueritia* (все в человеке из детства – *лат.*). Я обязана Карло Канале многим, именно он научил меня не просто читать, а любить книги, помог освоить греческий язык, научил чувствовать прекрасное, во всем искать гармонию.

Сколько было интересных заданий! Следовало прочесть басню Эзопа не просто не запинаясь, но с выражением, помогающим, помимо смысла, красоте звучания каждого слова. Гармонии помогала музыка, в ней любое нарушение вызывает диссонанс. И рисунки у Карло Канале были гармоничными.

Чезаре и Хуан завидовали нашим занятиям, а чтобы скрыть это, насмехались.

У Чезаре были свои прекрасные наставники – Паоло Помпилио и Джованни Вера, думаю, эти имена Вам хорошо известны. Джованни Вера, тогда он еще не был кардиналом, поехал вместе с Чезаре в Перуджу, а потом в Пизу, когда брата отправили изучать право. Карло Канале говорил, что для двенадцатилетнего мальчика, каким был Чезаре, учеба в университете Перуджи – признание гениальности. И что лучшего наставника для своего сына, чем Джованни Вера, Родриго Борджиа найти не мог.

Но до отъезда Чезаре нашим наставником по многим вопросам был сам Карло Канале. Я еще расскажу о том, как Карло научил нас с братьями любоваться гармонией человеческого тела, видя в его красоте Божий замысел, а не происки дьявола.

Карло Канале поддерживал мамину любовь к мытью, что вызывало у многих знакомых недоумение и даже осуждение. Но мы мылись так часто, как только удавалось это делать. В нашем доме был большой мраморный бассейн, где вволю можно плескаться в жаркое время года. А в Субиако отменный пруд для плавания.

И пусть остальные осуждали, нам купание пошло только на пользу, за что мы все четверо благодарны маме и Карло Канале.

Следил Карло и за нашим питанием.

В детстве у нас было развлечение: наш повар Винченцо, зная, что Чезаре предубежден против мяса каплунов, готовил это мясо *laetus* (разноцветным – *лат.*), а мы должны угадывать, каким сегодня будет блюдо – красным, как кровь дракона, желтым, как солнечный свет, черным, как ночь, зеленым, как деревья, белым, как сама чистота, или индиго.

Я была мала, чтобы понимать, что значит *alter* (кастрат – *лат.*), как презрительно отзывался о каплунах Чезаре, не понимала, почему смеется брат Хуан. Зная, что Винченцо использует петухов, вынуждена молчать по просьбе мамы и повара.

Почему Чезаре протестовал? Разноцветное мясо каплунов у Винченцо получалось таким вкусным и действительно разноцветным!

Позже я узнала у мамы секрет, и мой повар в Сполето тоже готовил блюда из мяса разноцветными.

Секрет прост. В основе мясо каплуна, миндальное молоко и рисовая мука. Если, отваривая каплуна в миндальном молоке с рисовой мукой, добавить молотый имбирь, белый сахар и белое вино, то, загустев, блюдо получится белым.

Если добавить красное вино, сахар и петрушку – зеленым.

Если блюдо посыпать фисташками и толченой гвоздикой, цвет получится желтым.

Желтый цвет получится и от обжаренного миндаля, которым блюдо посыпают сверху.

Галанговый корень, гвоздика, корица и сахар сделают его кроваво-красным, как драконья кровь.

Я не очень люблю сладости, но люблю мясо и рыбу.

Почему рыбу запрещено есть священнослужителям? Чем она хуже мяса?

Чем хлеб предпочтительней хорошего жаркого?

Почему грешно наслаждаться вкусным тортом или паштетом?

Почему красиво украшенный стол достоин осуждения?

Мне кажется, *adprime in vita esse utile, ut ne quid nimis* (главное правило в жизни – ничего сверх меры – *лат.*).

В нашей семье в чревоугодии сверх меры ничего зазорного не было.

Чезаре в детстве был сладкоежкой, но во время учебы в Пизе ему приходилось обуздывать многие страсти, в том числе и эту – любовь к сладкому. Думаю, брат не раз вспоминал мамин застолья и особенно для него приготавливаемое цветное бланманже.

Хуан предпочитал мясо, причем непрожаренное. А еще крепкое вино, он, как и Джулия, мог пить гиппократ и даже пиво, когда на столе стояло прекрасное токайское или кипрское.

Но у каждого свой вкус.

Чезаре всегда любил крупный хворост, а мне больше нравился хворост с начинкой. Это когда тесто делается обычным способом как для мелкого хвороста из яичных желтков, белков и тонкой муки (в отличие от крупного, куда желтки не добавляют), потом нарезанный ломтиками сыр обваливается в этой смеси и обжаривается на сале. Особенно вкусно, если полить ломтики медом или просто посыпать сахаром.

Чезаре говорил, что сахар способен испортить вкус, а вот от меда не отказывался.

Чезаре старался соответствовать своему имени и во всем быть похожим на Цезаря, не забывая о его военной славе. Потому мой брат не любил павлинов в золотых перьях и вообще не любил позолоту в самих блюдах, считая это глупостью. Он говорил, что блюдо должно быть вкусным и сытным, не должно противно выглядеть, чтобы его хотелось взять в рот, а вот позолочено ли оно – уже не важно. Все эти огромные сахарные замки, быки, овцы с карамельной шерстью, зайцы, начиненные куропатками с перепелами внутри, или огромные рыбины, у которых изнутри выпрыгивали живые лягушки, вызывали у Чезаре раздражение.

Он любил хорошее вино, хорошо приготовленное мясо, не смешивая его с рыбой (даже требовал, чтобы мясо и рыбу подавали в разные дни, что считается его прихотью), острые соусы, тоже не смешивая сладкое с горьким, дичь предпочитал домашней птице, а жаренное целиком – мелко крошеному. Всегда любил медовые пирожные, молочный снег и тортильоне сфольято с начинкой из поджаренных орешков или айвы.

Я не однажды пыталась понять, страдал ли кто-то из святых или апостолов чревоугодием. Что, кроме хлебов, было на их столах? Мне кажется, не думать о вкусной еде, не желать ее, не вспоминать, ощущая вкус изысканного соуса или сладости во рту, много легче, если ты

никогда не пробовал яств. И куда трудней, если всю жизнь питаешься пищей, приготовленной лучшими поварами Рима.

Я любила и люблю вкусно поесть, но когда подолгу жила в монастыре Сан-Систо, довольствовалась скромной монастырской пищей без сладостей и даже без мяса. И оказывалось, что Чезаре прав – пища должна быть приготовлена без стремления сделать блюдо необычным, но с желанием сделать вкусной.

Обычный монастырский хлеб, обмакнутый в оливковое масло, простая чечевичная похлебка, полента с салом или медом, бобы, тарты, каштаны с медом и фрукты – как же это вкусно! А еще свежая, не из Тибра, а из родника, вода и разбавленное вино из своего винограда.

Для меня никогда не делали исключение в монастыре, но я чувствовала себя сытой и довольной. Санча говорила, что это свидетельствует о моих деревенских корнях. Я отвечала, что скорее о способности не зависеть от мастерства повара.

Конечно, это не строгий пост и даже не столь большое ограничение, но по сравнению с десятками яств на столе наших дворцов отказ от чревоугодия хотя бы на время. Я чувствовала себя в монастыре обновленной и очень легкой.

Даже в Неви, страдая в одиночестве после убийства Альфонсо, я получала удовольствие от простой трапезы без поварских изысков, от сыра, оливок и свежего хлеба. Я никогда не была рабыней пиров и искусства поваров, хотя никогда нарочно не избегала вкусной пищи. Наверное, способность довольствоваться тем, что Господь послал тебе на обед, есть счастливая черта моей натуры.

Этим отличались все Борджиа, и мама тоже.

Из детских воспоминаний не могу пропустить сплетни о султанине Джеме, который приехал в Рим, когда мне было лет девять. О, какие о нем ходили слухи!

Брат правителя Османской империи султан Джем был рослым, сильным, я бы сказала, упитанным человеком. Позже я не раз встречалась с ним, поскольку Чезаре и Хуан взяли султана Джема под свою опеку. Мои рослые братья выглядели рядом с султаном почти мальчишками, особенно стройный и гибкий Чезаре. Он был вполне обычным, но когда султан Джем только прибыл в Рим, он казался мне, маленькой, огромным и страшным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.